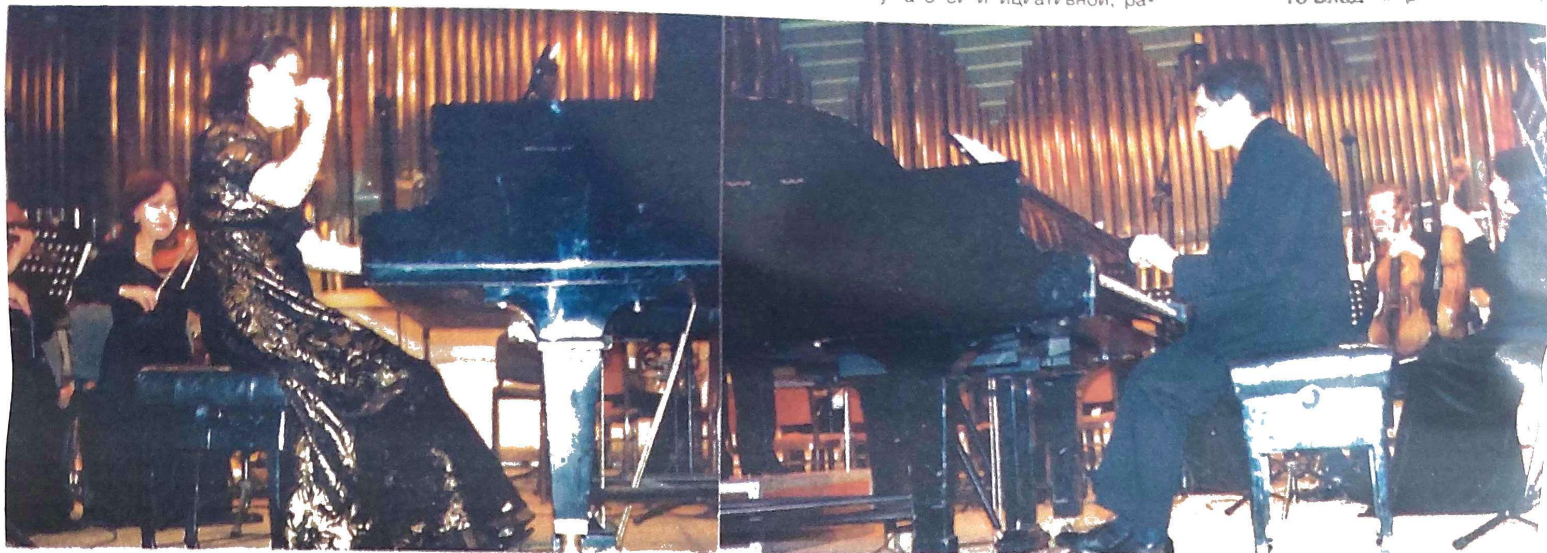

Диалог пианистки с оркестром

В этот ноябрьский вечер в Казахском академическом театре оперы и балета имени Абая царила музыка выдающегося немецкого композитора Иоганнеса Брамса (1833-1897 гг.).

Симфонический оркестр Казахской Национальной консерватории имени Курмангазы в контраст тихому преддверию ненастья взбудоражил сердца меломанов двумя редко исполняемыми произведениями классика - Первой симфонией и концертом для фортепьяно с оркестром № 1. Правила "брамсовский бал" два отечественных музыканта с мировым именем: Ренат Салаватов - главный дирижер театра, принимавшего студенческий оркестр, и солистка - народная артистка РК, лауреат Государственной премии РК Жания Аубакирова.

Симфонический оркестр консерватории подопечен Жание Аубакировой как ректору этого ведущего музыкального учебного заведения страны. Кондиционная подготовка концертирующих инструменталистов - одна из ее "материнских" забот.

Величаво и смиренно, как настоятельница Храма музыки, прошла она таинственной тенью сквозь ряды музыкантов-"послушников" к ожидающему ее черному роялю. Волшебное-замкнутому образу служительницы гармонии аккомпанировало дымчато-зеленоватое, как русалочий омут, платье до пят, с бархатным лифом цвета беззвездной ночи. Она опустилась на туф у рояля, не склонив стана ни на полутон. И застыла, остановив взгляд на вскрытой раковине молчашего "Стейнвейна". Это был сосредоточенно-оценивающий взгляд жреца, причастного к высшим тайнам исполнительского искусства.

Возможно, она думала о 150-летнем юбилее именных концертных роялей, которые начала выпускать в 1856 году американская фортепьянная фирма в Нью-

Йорке. Организаторы двух вечеров И. Брамса (в Астане и Алматы) приурочили их к презентации в Казахстана всемирно известного бренда.

А может быть, она, как верховный судья, анализировала итог состоявшегося в первом отделении концерта противоборства молодого оркестра и Первой симфонии И. Брамса. Сочинив ее, композитор осуществил свое с юности заветное желание. В первый раз эта симфония была исполнена в 1875 году. Иные современники Брамса, даже ценя романтичность его зрелых созданий, усматривали в них некоторую сухость, упрекая автора за дань музыкальной рутине. Но ее оркестру под руководством чуткого мастера Салаватова, кажется, удалось передать и взволнованность Брамса, и логику развития симфонической драмы, не нарушив ее академической классичности.

И конечно, она знала о том, что концерт И. Брамса для фортепьяно с оркестром № 1, который автор впервые исполнил в 1859 году, был встречен и публикой, и музыкальным обществом Лейпцига, на удивление, прохладно, если не сказать холодно. Через 147 лет Астана откликнулась на этот концерт с обычной для нее благосклонностью. Как-то он будет принят в Алматы?..

...Дирижер вполборота обернулся к ней, и они обменялись легкими кивками, подтверждавшими всеобщую готовность. И оркестр начал.

Она подняла опрокинутые на колени руки и свела молитвенно ладони у груди. Ожидая мига, когда и она сможет заговорить с высшими сферами в полный голос своего сердца.

А оркестровое вступление все длилось и длилось. Как глас рока. Она осторожно, из-за плеча, поспрашивала на музыкантов, словно превратившись, как и ее рояль, в гигантскую морскую раковину, внимающую рокоту моря, стремительно перерастающему в бурный прибой. Но вот девятый вал оркестра ударил о рубеж берега и, ниспадая, распался на звуковые брызги.

В следующий момент ее пальцы затрепетали по клавиатуре. Но это был не трепет страха перед стихией. И не судорога ужаса перед обреченностью бытия, которую дьявольски внушал оркестр, вонзая в душу стреловидные аккорды, безжалостно нагнетаемые размахистыми жестами дирижера. Это было биение сердца, которое знает, что только любовь спасет. И этим живет.

Ничто не спасет! - гремел оркестр, вновь монополю заволадев вступлением во второй части концерта, дыханием своим равного симфонии.

Но она в ответ уже не складывает молитвенно ладони. Она настороженно держит пальцы над клавиатурой на весу, готовая в согласии с законами гармонии и программной формы мужественно сразиться и за себя, и за всех вокруг. Уже не оркестр, а она - белопенный девятый вал... И уже не он, а она, ураганным прибоем разбившись о берег, рассыпается в радугу брызг-слез.

Радуга - из-за солнечного света, засиявшего в финальной части концерта. Примирение... Но не иллюзорное ли? Последняя точка роля и последняя точка оркестра, завершившие концерт Брамса, слились в многогочие жизненного горизонта, над которым завис безответный вопрос...

Ее спор с оркестром вызвал ассоциации с той бескомпромиссной полемикой, что много лет скреживала копыта вокруг Иоганнеса Брамса. Как писал русский музыковед Сергей Булич, младший современник композитора, один слышал в его сочинениях лишь традиционные формы с мелодической "архитектоникой", другие - "новый богатый и выразительный язык". Сам Брамс вроде бы соглашался с первыми, недооценивая в силу нордической скромности значимость созданного им инструментального языка, способного не только конкурировать с обычной речью, но и выражать своими "эксклюзивными" средствами то, что слово не в состоянии передать.

Этим музыкальным языком, изысканным по форме, неисчерпаемым по содержанию и точным в изложении всего того, чего не выразить словами, Жания Аубакирова владеет безукоризненно и вдохновенно.

Оставив рояль, "расстроенный" из-за окончания чуда, она простерла, подобно ангелу музыки, крылатые руки над залом, вся расцветившая красочными букетами цветов - пламенными признаниями в любви. Но ни она, ни верный ей оркестр так и не откликнулись на зовы публики что-либо исполнить на бис - ни фразой, ни гаммой, ни нотой.

Сергей ИСАЕВ